

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АНДРЕЯ БИТОВА: ОБОСНОВАННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАНЕРЫ

Аннотация. В статье осуществлен анализ малой прозы Андрея Битова – писателя-постмодерниста, автора уже классических текстов XX века, таких как «Пушкинский дом», «Оглашенные», «Улетающий Монахов», «Новый Гулливер», «Похороны доктора». Манера письма А.Г. Битова находится в рамках поэтики литературного эксперимента, причем это объективно касается и формы, и содержания. Его жанровые приоритеты сложны при дешифровке, исследователи с трудом определяют канонический тип и вид прозы А. Битова, ибо для него жанр является подвижной системой, влияющей на смысловую динамику. Контур коннотаций данного автора расшатывается, так как главной действенной силой все же является язык, а также стилевая контаминация. Не исключается в ряде повестей и романов Андрея Битова нарочитое использование интертекстуальности. Открыто яркой отсылкой становится классика, причем образцовая, например, диалог с А.С. Пушкиным. В работе осуществлен анализ малой прозы А. Битова с позиций объективации стиля, художественного дискурса. Можно констатировать, что писатель создает свои тексты на грани интеллектуальной наррации и философского повествования. Проза Андрея Битова это не только вымышленный мир, или нарочитая реальность, это еще и синкретическая версия взгляда на достаточно сложные вопросы бытия. Анализ художественных текстов ориентирован на рецептивную эстетику, герменевтику, компаративизм. Научная новизна статьи заключается в том, что проза Андрея Битова рассматривается как вариант дискурсивных стратегий, которые предопределяют конвергенцию художественной манеры писателя. Данный материал можно использовать в школьной и вузовской практике, при изучении истории русской литературы XX века, поэтики и эстетики постмодернизма, а также творчества А.Г. Битова.

Ключевые слова: Андрей Битов; постмодернизм; проза; интертекстуальность; автор; диалог; рецептивная эстетика; читатель; поэтика.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал).

Контактная информация: 452450 Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; тел.: 8(34784)4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru.

ANDREY BITOV'S DISCURSIVE STRATEGIES: A JUSTIFIED EXPERIMENT OR CONVERGENCE OF ARTISTIC MANNER

Abstract. This article analyzes the short fiction of Andrei Bitov, a postmodernist writer and author of classic 20th century texts such as “The Pushkin House”, “The Catechumens”, “The Flying Monk”, “The New Gulliver”, and “The Doctor's Funeral”. Bitov's writing style is rooted in the poetics of literary experimentation, and this objectively applies to both form and content. His genre priorities are complex to decipher; researchers struggle to define a canonical type and form of Bitov's prose, as genre is a fluid system for him, influencing the dynamics of meaning. The contours of this author's connotations are shaky, as language and stylistic contamination remain the primary motivating force. A deliberate use of intertextuality is not excluded in several of Andrei Bitov's stories and novels. Classics, and exemplary ones at that, for example, the dialogue with A.S. Pushkin, become overtly vivid references. This paper analyzes Andrei Bitov's short fiction from the perspective of the objectification of style and artistic discourse. It can be concluded that the writer creates his texts on the border between intellectual narrative and philosophical narrative. Andrei Bitov's prose is not only a fictional world or a deliberate reality; it is also a syncretic perspective on the complex issues of existence. The analysis of these literary texts focuses on receptive aesthetics, hermeneutics, and comparativism. The scientific novelty of this article lies in the fact that Andrei Bitov's prose is considered as a variant of discursive strategies that determine the convergence of the writer's artistic style. This material can be used in school and university practice, in the study of the history of 20th century Russian literature, the poetics and aesthetics of postmodernism, and the work of A.G. Bitov.

Key words: Andrey Bitov; postmodernism; prose; intertextuality; author; dialogue; receptive aesthetics; reader; poetics.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Branch in Birska).

Contact information: 452450 Russia, Republic of Bashkortostan, Birska, st. International, 10; tel.: 8 (34784) 4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru.

Русский литературный андеграунд представляет собой достаточно сложное и противоречивое явление. Многие фигуры этого сегмента художественного творчества до сих пор остаются некоей загадкой для читателей, слушателей, и тем более исследователей (Савельева 2016). Одно из имен, столь должным образом примечательное в массе критических исследований – это имя Андрея Битова. Его творчество следует соотносить с первой волной русского постмодернизма, периодом, намечающим новую поэтику, новый язык, новый взгляд на тематически разнородные пределы.

Проза А.Г. Битова стала классикой русской литературы XX века, и не безосновательно, ибо в ней конципировано сращиваются разные пласты мировой культуры, национальной

истории, новой философии (Витгенштейн 2019). Необычайно открыта в текстах данного писателя связь прошлого, т.н. пережитого с настоящим, с сегодняшним днем, даже не буквально, а онтологически. Следовательно, природа дискурсивного письма Андрея Битова и нуждается в определенной оценке и анализе. Автор не дает фактически буквальных ответов на вопросы (Рыбальченко 2011) насущного дня, но всецело магистрали смысловых путей его произведений оправданы и логически верны. На наш взгляд, у Битова выстраивается иная [современная] мифология (Мирошниченко 1999) оценки действительности, что, собственно, и притягивает читателей, привлекает исследователей. Можно на примере прозы Битова говорить о актуальной концепции мифопоэтического порядка, а это ценно как в социальном, культурологическом, философском, а главное – художественном планах. Тематика его текстов концентрична, допускается в ряде моментов движение к некоему абсолюту, или периферии, но базовые – концептуальные, бытийные стержни – писателем поддерживаются основательно.

Дом, семья, в целом жизнь, творческий процесс, счастье, мир – вот ряд важных для А. Битова составляющих мифологического порядка. Модель новой эстетической реальности по законам постмодернистского письма не может быть однозначно прочитана и дешифрована (Рикёр 2008), периодически необходимо возвращаться к текстам Битова, перечитывать, может даже вкладывать новые смыслы, но контекстуально оправданные. Рождение и смерть, боль и счастье, радость и отчаяние, индивидуальное и общее, надежда и крах – все это становится предметом точечного анализа в рамках индивидуального стиля А.Г. Битова. При этом он не столько находится в ситуации наращивания смыслового потенциала, сколько продуцирует версии дискурсивных колебаний.

Романы, малые формы, рассказы, повести практически все прозаическое наследие (Андрианова 2011) Андрея Битова направлено на дешифровку так называемой жизненной правды. Реальность его текстов представлена без серьезного украшения, без должной идеализации, без выборки только положительных факторов и моментов. Порой картинка настолько поэтически проста, что искать в ней и что-то видеть не получается, но конфликт позиций, крайностей и придает событиям действенный характер. Начиная играть с текстами Андрея Битова, исследователь понимает, что методы прочтения тоже должны быть альтернативными. Пред-допущение, вариант, а не императив, фрактальный рисунок смысла, дестабилизация художественного мира – вот то, что является координатами, на наш взгляд, верной трактовки его текстов. Актуальность работы сводится к спектральной оценке дискурсивных стратегий А. Битова; обозначение примет индивидуального письма на примере его малых форм дает основание объективно оценивать роль и статус данного автора в литературном процессе (Безруков 2020) XX века. Новизна исследования в вероятном, импульсном обозначении точки отсчета как А. Битову удастся скоординировать параметры новой художественной модели, при этом создать эффект приращения смыслов.

Отметим, что сам автор не исключает при этом символический вектор метафорики, писатель формирует типичные, понятные, и, бесспорно, значимые модели жизненных реалий. Настоящее как бы создается на основе уже готовых блоков, при этом и мировая

культура, и национальная, играют в должном равновесии позиций. Комбинаторика текстов Андрея Битова сложна не формальным наслаиванием одного элемента на другой, но линейной последовательностью суммы градационных модулей. Не маловажно, что читатель обретает с подачи текстов Андрея Битова определенную уверенность в естественной устроенности жизни, но жизни, которую нужно и осознать, и принять, да и самому объективировать. Как таковая алгоритмизация здесь, безусловно, есть, и это может быть противоречит поэтике (Безруков 2016) постмодерна, а может и дополняет дискурсивные стратегии писателя. Фактурность эмоций, которая рождается с помощью сюжетной канвы его текстов, значимая составляющая литературного эксперимента А.Г. Битова. Смысловые подвижки на уровне языкового синтеза, без должной, манипуляционной воли автора, организуют ассоциативный фон, влияющий на то, чтобы художественная коллизия разрешилась неоднозначно. Противоречие в данном случае финальный, значимый итог художественного творчества. Размывая контуры формы, автор тем самым допускает и подвижки в содержательном плане.

Постмодернизм Андрея Битова это особый вид конвергенции, реализующийся в тонкостях и нюансах авторского письма (Боброва 2016). Его художественная манера на первый взгляд близка Венедикту Ерофееву (Безруков 2018), может даже Виктору Пелевину, либо Татьяне Толстой, Евгению Попову, Владимиру Сорокину, но при тщательной верификации буквальных совпадений на границе принципов с указанными авторами не происходит. Должным образом автор определяет свой, уникальный набор литературных средств. Не исключается манипуляция, игра, симулятивный тон, погружение в поток интеллектуальных интенций, кодирование и деконструкция, смысловая дисперсия. Фактически у Андрея Битова поэтика постмодернизма имеет выверенный, кристаллизованный характер, ибо это новый взгляд (Мейер-Фраац 2021) в литературе, если мы касаемся текстов 1960-70-х годов. Для Битова является также важным совместить буквальное и образцовое, нарочито естественное с идеальным. Видимо, этим и объясняется столь сильное причастие к классике (Безруков 2017), так как она дает не только намек на смысловые ряды, но и пропагандирует точное, изящное значение. Причем калейдоскоп вариантов у Битова не безразмерен, жизненный срез все же находится в рамках социального, природного, метафизического устройства.

Можно отметить, что стиль или языковая манера письма Андрея Битова находит свой законченный вид уже в режиме читательской реакции / рецепции, в момент сращения реципиента с художественным сознанием писателя. На наш взгляд, граница, или фронтير полюсов и не нужен, срез только нарушает естественный ход разверстки мыслей и соображений. Это же влияет и на тематическую нелинейность, которая, безусловно, должна быть претворена в литературном произведении. У А.Г. Битова сложение сюжетной канвы с объективностью тем происходит в спектрально-расширенном режиме. Ритмика его повествовательных текстов уже с заголовочного комплекса направлена на обоснованный и желанный эксперимент, или диверсификацию художественной модели. Например, «Бездельник», «Сад», «Жизнь в ветреную погоду», «Образ», «Глухая улица», «Лес»,

«Обоснованная ревность», «Похороны доктора», «Вкус» и т.д. Видим, что практически каждый заголовок есть метафорический оборот, даже обертон авторского взгляда на тот или иной предмет, объект, состояние. Еще с раннего периода у Битова выработан ступенчатый механизм связности с читателем, причем он происходит на уровне ассоциативных рядов. Диалог (Бахтин 2000) на уровне языка складывается в гармоничное единение – наращивается эмоциональное переживание за счет буквальной прорисовки кадра и в дополнительном ответвлении, эмпирики пережитого. Весьма примечателен для иллюстрации этой мысли повесть «Жизнь в ветреную погоду», где главный герой – писатель Сергей – переживает момент творческого кризиса. Он переезжает с семьей из города на дачу: «Наконец они переехали...» (Битов 2022: 93), и испытывает новые ощущения, он по-новому начинает понимать и ценить жизнь, а здесь и близких, и родных, по-другому относится он и к себе. Причем конструктивно критикуя: «Так потекли дни. Время было неподвижно, а дни уходили. И странно было, оглянувшись, увидеть, что их прошло уже так много. И он никак не мог освоиться с тем, что прохождение времени можно было видеть только взглядом назад и только большими отрезками, тогда как в каждый настоящий момент было оно неподвижно. Работать он не работал. Ложась спать, он не понимал, куда девалось время» (Битов 2022: 96).

Герой повести А. Битова «Жизнь в ветреную погоду» не может не меняться, но происходит это в рамках строгой условности. Автор складывает для героя некий блок испытаний: это быт, условия проживания, семейные отношения, внешний погодный фактор. Думается, что художественный мир данного текста основывается на прямом контрасте **буквального и недостижимого**. Образы отчасти дезориентированы в пространстве, время для них тяжелое испытание, которое не помогает, но калечит, трансформирует, но и исправляет: «За городом, в кругу семьи, на солнце, воздухе и воде, он, напротив, внешне успокаивался, молодел, в общем, начинал хорошо выглядеть. Тут был покой, а дела свои он очень толково успел все либо закончить, либо отложить – специально, чтобы хотя бы за городом иметь возможность спокойно жить и работать над тем, над чем работать считал он своим долгом» (Битов 2022: 97). Стоит заметить, что особый драматизм воплощается как в различных формах и жанрах Андрея Битова. Например, «Пушкинский дом», «Оглашенные», «Улетающий Монахов», «Битва», «Дни человека», «Преподаватель симметрии» и т. д. Однако часть текстов не может быть четко классифицирована как роман, или повесть, дифференциация, порой, становится исследовательской задачей, которая решает с трудом. Но для постмодернизма приметы жанра, вроде бы, и не важны, главная составляющая – координация на язык, дискурсивную парадигму.

Поток сознания, который воспроизводится главным героем повести, строен и необычен. Но это не сложный вариант оценки, а рефлексивный вариант. Сергей в ходе сближения с сыном начинает переоценивать и свой опыт, свое состояние, которое не является образцом и идеалом: «Это бездеятельное состояние открыло ему, например, что у него есть сын. Барахтаясь в море времени, он все больше сидел дома и постоянно видел рядом сына, существо столь совершенно живое, что становилось стыдно всего неживого в себе, а тем более такой неживой вещи, как фиксация и переживание в себе этого

неживого...» (Битов 2022: 97-98). Манера А. Битова на уровне языка явно отлична, он подводит читателя к важным составляющим жизни уверенно и ненавязчиво: например, «Иногда, томясь от безделья, вспоминая город, слышал он вдруг какое-нибудь глупое гульканье сына и тогда оборачивался и видел протянутую ручку и радость, раскрывающуюся на его лице оттого лишь, что они видят и узнают друг друга... Тогда Сергей ощущал, как отлетает от него неживое его облако и что-то удивительно счастливое и легкое разворачивается в его груди, что можно назвать по-всякому и можно назвать любовью» (Битов 2022: 98).

Поведенческая модель героев у А. Битова имеет расширительный характер: главный герой – Сергей – общаясь со своим отцом, проецирует вариант отношений и на себя с сыном. Дублирование, эффект зеркальности в дискурсе Битова удачен: «А с теми, кто тебе равнодушен, просто и легко лишь потому, что – обоснованно или нет – ставишь себя над ними – непонятное превосходство: им прощаешь. Вернее, не замечаешь. А отец им не ровня, вот его прощать надо. Это еще детский атавизм – желание равенства. Равенства тут и быть не может. Тут обратное равенство, другая зависимость – отца от сына, и всегда, пожалуй, именно эта зависимость и была. «И у меня с сыном так же, – думал Сергей, – и у меня...» (Битов 2022: 108). Реверс, обратный ход дает возможность главному герою не только дать оценку своим действиям, но и дать интенцию читателю, который также вместе с ним разбирается в превратностях судьбы, устройстве жизни.

Не маловажен для А. Битова пейзаж, который и фон, и иллюстрация, и дополнительный элемент психологический разверстки. В повести «Жизнь в ветреную погоду» дана весьма качественная прорисовка внешних реалий, взгляд автора удивительно философичен: «Они ехали лесом, и дорога была безветренной, тихой: казалось, теплый летний день, – и вдруг выехали на открытое пространство. Тут были поля, пахоты, раздолбанный проселок мелькнул у косого сарая, и тощая корова покосилась налитым дикостью глазом из кювета, дальше поля обрывались, шли луга и жидкий кустарник, который во все стороны трепал ветер, и больше ничего... Ветер расчистил горизонт и странно четко глядел вдали синий лес, высотой с траву. Сергей лениво смотрел в окно и думал, что эта невыразительная пустошь необыкновенно близка и понятна ему. Какое-то ласковое, прохладное, успокоительное чувство поселилось в Сергее, когда взгляд его, не напрягаясь, скользил по этому ровному пространству и ему почти не на чем было задержаться. Взгляд был как бы тонкой, вдруг ожившей нитью, связавшей Сергея с природой, – две чашки весов, висящих на нити взгляда: он сам и пустошь – на одном уровне, в полном равновесии...» (Битов 2022: 108-109). Стоит указать на то, что **визуальная модель** мира Андрея Битова по своей органике цельна, полновесна, многолика (Тюленева 2018), так как художник выбирает разные составляющие бытия, при этом сплетает из них не контур, но объемное живое полотно. Событий ряд его текстов наслаивается как некий калейдоскоп, стереоскопичность дает возможность под разными углами оценки-зрения дать оценку наметившейся основной магистрали. У Андрея Битова художественная деталь модифицируется в концепт, стандарт коннотаций в этом случае утяжеляется контекстуальными параллелями. Таким образом, дискурсивные

стратегии позволяют писателю замысел текста реализовать не в линейной проекции, но в экзосфере пульсирующего характера. Для конструкций Андрея Битова жизненная правда становится не только импульсом выстраивания художественной модели, но мифологическим конгломератом. Постмодернизм, авангард, да и неореализм не исключает подобные интенции, авторы склонны к тому, чтобы текстовый массив налично оставался знаковым комплексом, его же смысловая составляющая срабатывала в момент столкновения с читательским мышлением, воображением, памятью.

Событийный пласт повести А. Битова «Жизнь в ветреную погоду» утяжелен к финалу встречей с родственниками; это тоже некое испытание героя. Уходит же Сергей от шума и суеты весьма тривиально – нужно погулять с сыном, ну а здесь вновь радость жизни, живая природа, возможность оценить красоту и динамику пространства. Итоговым же событием становится приезд старых знакомых, причем к девушке герой испытывает определенные чувства, которые обостряют его внутренний мир, Сергей не может не реагировать на нее. Безымянный тон, задается автором не случайно, события могут быть растиражированы, перенесены на других. Для Битова важно подчеркнуть естество и правильность реакции. «Жизнь в ветреную погоду» есть текст, направленный на изучение человека, его натурального величия, где-то наивной скромности, где-то открытого просвещения. Поведенческая модель в итоге обретает философское звучание, Сергей обретает некую истину для себя, истину, граничащую с зоной комфорта, счастья (Цуркан 2022): «Вечерами, когда он, опустошенный, с легким, нереальным звоном в голове, спускался вниз и пил с женой чай, он думал, что именно это называется счастьем. Он включал приемник, и французенка пела свою песенку, чай был крепок и горяч, жена, бесконечное его знакомство, не то шила, не то пила с ним чай – была рядом, и никуда не надо было Сергею уезжать от нее, и сын еще не спал и протягивал им игрушку... И Сергею казалось, что это тот самый мир и покой, который он будет вспоминать всю свою жизнь – ведь жизнь неизвестно как еще может повернуться» (Битов 2022: 126-127).

Таким образом, проза Андрея Битова на примере малого жанрового формата есть обоснованный эксперимент. Дискурсивные стратегии автора как показывает анализ повести «Жизнь в ветреную погоду» многогранны, они не сводятся к нарочито постмодернистским приемам, ибо вбирают ряд традиционных средств, при этом функционально используемых несколько комбинаторно. Андрею Битову удастся выстроить синкретически новую модель оценки действительности, более эмоциональную и эмпирически обоснованную. В этом, пожалуй, и ценность данного автора для литературы второй половины XX века. Далее русский постмодернизм приобретет иные контуры. Писатели будут сознательно дополнять поэтику художественной наррации, смешивая и соединяя разнородные формы и средства. Следовательно, А. Битов, а также Вен. Ерофеев, Саша Соколов – представители раннего этапа постмодерна – все же стремились к популяризации ценности дискурсивного письма в зоне конвергенции частной манеры.

ЛИТЕРАТУРА

Андрианова М.Д. Авторские стратегии в романной прозе Андрея Битова. Санкт-Петербург: Библиотека Академии Наук, 2011.

Бахтин М.М. Собр. соч. в 7-ми т. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М.: Русские словари, 2000.

Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. Санкт-Петербург: Гиперион, 2018.

Безруков А.Н. Принципы античной драмы в условиях постмодернистской поэтики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-3(58). С. 20-22.

Безруков А.Н. Циркуляция танатологических мотивов в русской классике // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. Том Выпуск 7 (13). Тверь: Тверской государственный университет, 2017. С. 31-36.

Безруков А.Н. Элементы восточной поэтики как регулятивный инструментарий современного литературного процесса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 1. С. 138-145. DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-138-145.

Битов А.Г. Обоснованная ревность: повести. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.

Боброва А.В. Языковые средства экспликации пространственных характеристик концептов «одинокчество» и «уединение» (на материале художественной прозы А. Битова) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7(172). С. 45-50.

Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: Издательство АСТ, 2019.

Мейер-Фраац А. Текст границы в творчестве Андрея Битова // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в Русской и Центральноевропейских культурах.: Сборник статей / Редколлегия: Н.В. Злыднева (отв.ред.), Ж. Хетени (отв.ред.) [и др.]. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 229-251. doi.org/10.31168/4465-3095-3.11.

Мирошниченко О.С. Пушкин и мифология русской культуры в прозе Андрея Битова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1999. № 2. С. 6-9.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008.

Рыбальченко Т.Л. Онтологические аспекты проблематики новых новелл романа А. Битова «Преподаватель симметрии» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1(13). С. 84-101.

Савельева М.С. Творчество Андрея Битова в трактовках российской и русской зарубежной литературной критики. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2016.

Тюленева Е.М. Стратегия шахерезады и поиск Второго в «Преподавателе симметрии» А. Битова // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 140-144.

Цуркан В.В. Концепт «счастье» в прозе А. Битова 1960-1980-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 1. С. 97-103. doi.org/10.15393/uchz.art.2022.707.

© Безруков А.Н., 2025